

**200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ**

**ВАДИМ
КОЖИНОВ**
КРАСНАЯ СОТНЯ

Вадим Валерьянович Кожин

Красная сотня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898970
Кожин В.В. Красная сотня: Алгоритм; Москва; 2009
ISBN 978-5-9265-0676-8

Аннотация

Всем известно словосочетание «черная сотня», имеющее бранный оттенок. А ведь черные земские сотни не раз защищали наше Отечество в тяжкие времена. В 1612 году, например, собравшись вокруг Минина, именно черные сотни спасли Москву и всю Россию от поляков и изменников.

Выдающийся русский мыслитель Вадим Кожин рассматривал проблему «черной сотни» как раз с патриотических позиций. Он доказывал, что в советские времена существовала так называемая «красная сотня», которая во многом была похожа на сотню «черную» в плане защиты национальных интересов России.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны работы Вадима Кожина о «красносотенном» движении в нашей стране.

Содержание

Вместо предисловия	5
Русская сверхнация	6
Россия как цивилизация и культура	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Кожин

Красная сотня

© Ермилова Е.В., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2009

Вместо предисловия

Тема России волнует меня уже лет тридцать. Подлинным обращением к русским корням я обязан Михаилу Михайловичу Бахтину, которого считаю своим учителем. Бахтину во время революции было всего 22 года, а в 1928 году его арестовали, и казалось, его навсегда вычеркнули из жизни. Много позже говорили, что он, будучи репрессирован, давно умер. Но тем не менее мне удалось установить, что он жив и живет в Саранске (жить в столицах ему категорически запрещалось). И я поехал туда к нему.

Что меня потрясло? Я думал, что еду к человеку, который сломлен, которого мне надо будет утешать, выражать сострадание... Ничего подобного. Я нашел Бахтина в сознании собственной силы и уверенности. И вскоре один из моих друзей, пораженный его мужеством, спрашивал, как жить, чтобы быть таким же.

И действительно, одно дело – читать книгу, другое – общаться с человеком, который, и это признано сейчас во всем мире, является одним из крупнейших мыслителей XX века. Бахтин принадлежал к младшей ветви той плеяды русских мыслителей, имена которых сейчас воскрешают. Булгаков, Бердяев, Розанов, Флоренский. От них принял эстафету Бахтин. После встречи с ним и для меня жизнь, общество, история как бы осветились иным, новым светом. Бахтин стал для меня живым мостом, связью между прошлым и настоящим. Именно общение с ним заставило серьезно задуматься о коренных проблемах русской жизни, своеобразии русского национального сознания.

Ну и, наконец, видимо, пришел час, когда возникла потребность и необходимость поделиться своими размышлениями на эту тему. В своих последних работах я пытаюсь, анализируя русский характер, нравственные идеалы нашего народа, понять не только прошлое и настоящее, а также и увидеть, в чем состоит будущее России.

Русская сверхнация

Имеется широкий спектр представлений о том, что такое Россия и какая ей предначертана судьба на дорогах человеческой истории. Многообразие мнений характерно для любого направления человеческой мысли.

Мне представляется, что становление «русской идеи» в ее стержневом значении связано прежде всего с именами Чаадаева, Тютчева, Достоевского. Именно их стремления необходимо рассматривать как центральные, определяющие в этом вопросе. Если попытаться суммировать их размышления о нашем национальном своеобразии, то они сведутся к следующему. Русского человека (как носителя особого типа социально-духовной культуры) отличает особая открытость по отношению к другим культурам, беспощадность самокритики, стремление к «всечеловеческому единению». Это, конечно, не единственные его черты. Но с точки зрения общечеловеческой они являются важнейшими.

В этой связи и западничество, и славянофильство, как мне кажется, – это ограниченные и, так сказать, чрезмерно связанные с восприятием Запада тенденции. Михаил Пришвин писал в 1950 году, что «и западники, и славянофилы в истории одинаково все танцевали от печки – Европы». Относительно западничества это очевидно. Что же касается той тенденции, которую называют славянофильством, то уже Чаадаев говорил о ней: «Страстная реакция... против идей Запада... плодом которых является сама эта реакция».

Необходимо, правда, со всей решительностью оговорить, что духовное наследие всех подлинных значительных писателей и мыслителей, так или иначе принадлежащих к западничеству или славянофильству, всегда было заведомо шире и глубже самих этих тенденций. Я же говорю именно о тенденциях.

Западничество основано, в конечном счете, на убеждении, что русская культура – это, в сущности, одна из западноевропейских культур, только очень сильно отставшая от своих сестер: вся ее задача сводится к тому, чтобы в ускоренном развитии догнать и, в идеале, перегнать этих сестер.

С точки зрения славянофильства русская культура – это особая, славянская культура, принципиально отличающаяся от западной, то есть романских и германских культур, и ее цель состоит в развертывании своих самобытных основ, родственных культурам других славянских племен. Но это представление об особом славянском существе русской культуры построено, конечно же, по аналогии или даже по модели романских и германских культур, которые уже достигли расцвета; задача русской культуры опять-таки сводится к тому, чтобы догнать их на своем особом, славянском пути, стремясь к равноценному или, в идеале, еще более высокому расцвету.

Национальные культуры Западной Европы в своем совместном неразрывно взаимосвязанном творческом подвиге уже к XIX веку осуществили совершенно очевидную и грандиозную всемирную миссию. И западничество если и предполагало всемирное значение русской культуры, то только в ее присоединении к этому (уже совершенному) подвигу; со своей стороны, славянофильство (как тенденция) видело цель в создании – рядом, наряду с романским и германским – еще одного (пусть даже глубоко самобытного) культурного мира – славянского, с русской культурой во главе.

Словом, и в том и в другом случае смысл и цель русской культуры воссоздаются по западноевропейской модели, по предложенной Западом программе.

С точки зрения западничества и славянофильства оказываются, в сущности, как бы ненужными, бессмысленными целые столетия истории русской культуры: для западничества – время с конца XV до конца XVII века; для славянофильства – последующее время.

Между тем, по мысли Чаадаева и Достоевского, русская культура имеет совершенно самостоятельный смысл и цель, а всестороннее и глубокое освоение как западной, так и восточной культуры представляется как путь – разумеется, абсолютно необходимый путь – осуществления этой цели и этого смысла (все-человечности).

«Всемирная отзывчивость» – так можно назвать ключевую, пожалуй, черту нашего национального характера, так как с ней связано и из нее вытекает все остальное. Белинский писал в 1846 году: «...русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

И действительно, трудно назвать страну, в которой бы с такой жадностью, безоглядностью впитывали чужой опыт. Скажем, на рубеже XVIII–XIX вв. был величайший взлет немецкой культуры, философии, литературы: Кант, Гегель, Гете, Шиллер, Бетховен, Гайдн... И нигде в Европе, кроме как в России, это не было воспринято с таким восторженным увлечением. Брошюра, в которой упоминалось имя Гегеля, говорил Герцен, зачитывалась до дыр. Вообще, если в Западной Европе появлялось какое-либо выдающееся художественное произведение или научный труд, то, как правило, первые их переводы делались на русском языке. Возьмите «Капитал» Маркса или, например, романы Золя. Случалось, что вещи Золя раньше печатались у нас в русских газетах, чем во Франции. В год из-за границы уже в 1860-х годах ввозилось два-три миллиона книг. Значит, люди не только хотели знакомиться с иностранными новинками, но и могли это сделать, так как владели европейскими языками.

Были, конечно, и периоды сознательной изоляции: эпоха от царствования Ивана Грозного до правления царевны Софьи, время царствования Николая I и, наконец, сталинский период. Но что интересно, например, даже в так называемые застойные годы мы занимали первое место в мире по переводам художественной литературы.

* * *

Подчеркну, что мысль о «всемирной отзывчивости» русской культуры не заключала в себе никакой национальной амбициозности. С самого начала «всемирная отзывчивость» предстала в отечественном сознании и как глубоко положительная, в пределе идеальная, и одновременно как недвусмысленно «отрицательная» черта нашего национального характера. Именно другой стороной «всемирной отзывчивости» оказывается наша переходящая из века в век оглядка на Европу, а порою и низкопоклонство перед ней. «Чуть мы выучим человека из народа грамоте, – писал Достоевский, – тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, – словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен...» Так из «всемирной отзывчивости» естественным образом вытекает та стихия самоотречения, в которой справедливо можно видеть и другую нашу важнейшую национальную черту.

Один из наиболее значительных современных литературоведов, Н. Н. Скатов, говорит о том, что истинная суть отечественного искусства состоит не в критике как таковой, но в самокритике. Именно в этом, считает он, непреходящий, всецело живой и сегодня смысл русской классики. Не обличение помещика, чиновника, вельможи, а пробуждение в человеке гражданско-нравственной ответственности, внутреннее самообнажение, беспощадность самосуда. И это совершенно верно.

Одним из первых «в беспощадном самосуде» увидел существенную черту отечественного бытия и сознания Чаадаев, для которого стихия самоотречения наиболее ярко воплотилась в личности и судьбе Петра Великого. Размышляя о петровском «отречении» от прошлого, Чаадаев писал в 1843 году: «Эта склонность к отречению... есть факт необходимый или, как принято теперь у нас говорить, органический...»

И не кто иной, как сам Чаадаев дал в своем первом «Философическом письме» ярчайший образец такого «беспощадного самосуда». При этом, кстати сказать, Чаадаев признавал, что было преувеличение в этом обвинительном акте, предъявленном им великому народу, – признавал, но отнюдь не раскаивался в совершенном и тут же указывал на тот факт, что почти одновременно с обнаружением его «Философического письма» был вслед за Александровским поставлен на сцене Малого театра гоголевский «Ревизор»: «Вспомним, что вскоре после злополучной статьи (на самом деле спектакль был поставлен ранее появления чаадаевской статьи. – В. К.) на нашей сцене была разыграна новая пьеса. И вот никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публики столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха».

Важно подчеркнуть при этом, что широко распространенная точка зрения, согласно которой пафос самоосуждения складывается в русской литературе лишь в 1820 – 1830-х годах, неверна. М. М. Бахтин раскрыл беспримерное своеобразие «Слова о полку Игореве» в ряду других эпосов: в центре «Слова» – не победный подвиг и даже не героическая гибель, но трагическое посрамление героя.

Михаил Пришвин в 1943 году писал о неотразимом чувстве «стыда» за свое чересчур русское: «Я, чистокровный елецкий потомок своего великорусского племени, при встрече с любой народностью – англичанином, французом, татаринном, немцем, мордвином, лопарем – всегда чувствовал в чем-то их превосходство. Рассуждая, конечно, я понимал, что и в моем народе есть какое-то свое превосходство, но при встрече всегда терял это теоретическое признаваемое превосходство, пленяясь достоинствами других».

Совсем иную картину мы видим, когда начинаем всматриваться в культуру Западной Европы. В основании западной культуры лежит совершенно противоположный принцип: осознание себя свободно творящим началом, по отношению к которому все остальные народы и культуры – только объекты приложения сил, не имеющие никакого самостоятельного всемирно-исторического значения.

Корни такого подхода к внешнему миру, и природному, и человеческому, лежат, несомненно, в иудо-христианской телеологии, согласно которой, как известно, бог создал все для блага человека и ни одна вещь, ни одна тварь не имеет иного предназначения, помимо служения человеку и его целям. Это значит, что, будучи раз рожден, Запад как бы был призван только разворачивать из себя свои возможности. Между тем русское развитие осуществляет себя как ряд новых и новых рождений – точнее, духовных «воскресений» после самоотрицания. Именно поэтому, вероятно, одно из характерных отличий западной и русской религиозных традиций состоит в том, что в Европе, безусловно, главный, всеопределяющий христианский праздник – Рождество, а на Руси – Воскресение (Пасха).

* * *

Каковы причины столь необычного и для отдельного человека, и тем более для целого народа поведения? Они связаны с идеалами, на которых возматуровалась русская культура. Эти идеалы, как писал Скатов, были «запредельны, располагались за... всеми возможными видимыми горизонтами, за, так сказать, обозримой историей». Главным и определяющим среди них является стремление к «всечеловеческому единению». Оно естественным образом связано со «всемирной отзывчивостью» и «беспощадным самосудом» русского человека.

Эта мысль с наибольшей полнотой была выражена Достоевским в «Речи о Пушкине» 1880 года: «Я... и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения». И там же: «...стать... настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите...».

Достоевский заметил – «высказывалась уже эта мысль не раз, и ничуть не новое говорю». И нетрудно убедиться, что эта мысль, с 1880 года неразрывно связанная с именем Достоевского, вызревала в новой русской литературе по меньшей мере с 1820-х годов. В тех или иных выражениях она присутствует в сочинениях глубоко различных писателей и мыслителей. Речь Достоевского была как бы окончательной кристаллизацией русского литературного и национального самосознания в целом. В значительной степени потому главная мысль Достоевского и была тогда столь естественно принята.

При этом Достоевский не раз оговаривал, что пока это свойство глубоко и полно воплотилось только в литературе. Но мне кажется, что подлинная всечеловечность могла воплотиться лишь в таком творчестве, которое берет свой исток в глубинах народного бытия и сознания и постоянно возвращается к этому истоку.

«Всечеловечность», разумеется, не только наша цель. Немало сделал в своем движении к ней и Запад. Но на этом пути ему пришлось многое преодолеть в себе, в то время как для нашей культуры эта идея с самого начала является, как я уже сказал, стержневой. Во-первых, всечеловечность, всемирность русской литературы (и культуры) имеет глубочайшее основание в том громадном по своему значению факте, что Россия складывалась как страна многонациональная. При этом русская государственность с самого начала (поразительная вещь!) исходила из равноправия входящих в нее народов. Вспомним историю о призвании варягов на Русь. В «Повести временных лет» читаем: «Реша чюдь, и словени, и кривичи и вси (сказали чюдь, и словене, и кривичи, и весь...): земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Если взять это предание не как факт, а как отражение общественного самосознания, каким оно было в начале XII века, то получается: для русских людей этой эпохи нет ничего ни зазорного, ни обидного в том, что их государственность создавали не только восточнославянские племена, но также и финские – чюдь и весь и варяги. Причем чюдь стоит на первом месте.

Спустя столетия Пушкин в стихотворении «Памятник» по-своему выразил мысль из «Повести временных лет»:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык».

Как видим, Пушкин почти повторил формулировку Нестора, только у Пушкина славяне на первом месте, а финны на втором. А для Нестора было возможно славян не ставить даже на первое место. Таким образом, если в глазах летописцев все населявшие Русь народы являлись равноправными творцами русской государственности, то у Пушкина они выступают в качестве равноправных носителей российской культуры.

* * *

Зафиксированное в летописи равноправие племен и народов, несомненно, отражало реальности тогдашней жизни. За 1200-летнюю историю русского государства в состав русских влилось такое количество разных племен и рас, которое трудно себе представить. На эту тему есть серьезные исследования, из которых, между прочим, следует и то, что русских среди нас с чисто славянской кровью совсем немного.

Возьмем слово «русский». Я думаю, если взглядеться в слово до самой глубины, можно многое понять. Слово значит гораздо больше, чем мы думаем, оно никогда не лжет. Об этом когда-то хорошо сказал Лев Толстой: мы можем обманываться, а язык не обманывает.

Так вот, все народы мы называем именем существительным – немец, поляк, англичанин, чуваш, узбек... Даже народ, состоящий из нескольких сот человек – удэгэ, саами. И только «русский» идет как прилагательное. В этом, на мой взгляд, величайший смысл. То есть, с одной стороны, русские как бы служат другим народам, представляя на огромном континенте от Балтики до Тихого океана. В то же время они являются связующим звеном, цементирующим, объединяющим началом для многих народов. Повторяю: слово значит больше, чем кто-либо может в нем открыть. Поскольку слово – это всегда инобытие человеческой жизни.

Традиция самоопределять себя не по крови, а по культуре и государственной принадлежности дала на Руси поразительные примеры. Возьмем две такие грандиозные фигуры XVII века, как патриарх Никон и идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. И тот, и другой были чистокровными мордвинами, но относили себя к русским – так же, как русским считал себя грузин князь Багратион – один из славнейших героев Отечественной войны 1812 года. Крупнейшие фигуры в большевистской партии периода Октябрьской революции и Гражданской войны – Троцкий, Зиновьев и целый ряд других – были, как известно, евреями. Или другой факт: после 1480 г. и до середины XVII в. многие виднейшие русские военачальники вышли из монголов, хотя к монголам, казалось бы (из-за монголо-татарского ига), должны были на Руси относиться крайне отрицательно. А когда Иван Грозный пожелал временно отойти от государственных дел, то он передал управление страной потомку Чингисхана князю Бек Булатовичу. Понятно, что такие вопросы не могли решаться с кондачка.

И еще: традиционное представление об антагонизме русских и половцев, в основе которых лежит национальный признак, не имеет в действительности исторического подтверждения. Князь Игорь, о котором идет речь в «Слове о полку Игореве», был на три четверти половец и, конечно же, говорил в детстве на половецком языке, потому что мать и бабушка его были половецкими. Известна гробница его брата «буй тур» Всеволода. Знаменитый скульптор антрополог Герасимов по черепу восстановил его портрет, в котором явно проступают «половецкие» черты. В жизни все было сложнее, чем на картине Ильи Глазунова, где с одной стороны мы видим белокурого русского князя Игоря, а с другой – его противника косоглазого половеца.

Сам тот факт, что русские так легко принимали в себя представителей других племен, уже о многом говорит. Хотя вместе с тем речь, понятно, не шла о насильственной ассимиляции и тем более о сознательном уничтожении других народов как народов, а лишь о принципиальной открытости русской нации для представителей других рас и национальностей. Более того, с определенного момента, когда национальное сознание стало играть существенную роль, ни один народ в России, даже самый малочисленный, состоящий из нескольких сот человек, не исчез с лица земли вследствие политики царского правительства или из-за действий поселявшихся на их территориях русских людей.

Россия трижды участвовала с Австрией и Пруссией в разделе Польши в XVIII–XIX веках. Но когда Польша воссоединилась, а это произошло после 1945 года, оказалось, что на тех территориях, которые были под владычеством Пруссии и Австрии, поляков практически не осталось, а в той части Польши, которая в свое время отошла к России, их стало гораздо больше. Об этом мне рассказал много лет назад один из деятелей ПАКСа – католической организации в Польше, которая, по крайней мере в тот период, играла значительную роль.

Русских обвиняют в антисемитизме, и надо признать, что антисемитизм среди какой-то части населения (правда, в ослабленной форме) существует. Но что характерно: за весь период проживания евреев на территории России на собственно русских землях не было

совершено ни одного погрома. Погромы совершались главным образом в Польше, в Молдавии, в меньшей степени на Украине. Во всяком случае, о национальных противоречиях русских с каким-либо народом, населяющим Россию, противоречиях, которые были бы сопоставимы по накалу с тем, что мы имеем в Испании (баски), Ирландии (католики и протестантские ультра), Индии, Пакистане (мусульмане и индуисты) и в некоторых других странах, говорить не приходится. Так, теракты в Ирландии совершаются в течение 100 лет без всяких перерывов.

В русском фольклоре существует огромное количество проявлений как раз дружественного, братского отношения к другим народам, без различия того, являются ли они европейскими, азиатскими или какими-либо еще. Композитор Бородин, написав для оперы «Князь Игорь» музыку половецких плясок, даровал бессмертие исчезнувшему народу. Это тоже типично русское дело.

На чем еще необходимо остановиться, это на относительной молодости русской культуры. Действительно, основные государства Запада и Востока – это страны со своей античностью, с тысячелетней историей. В этом смысле русская культура не может соперничать с ними по своей фундаментальности, и от этого никуда не уйти. Конечно, и применительно к русской культуре можно говорить об определенной преемственности. В пределах, в которых находился СССР, существовали державы скифов, гуннов, аваров, хазар, наконец, монголов. Но, во-первых, эти государства не стояли на такой высоте исторического опыта, как Китай, Индия, Греция, Рим, и, во-вторых, они не имели письменности.

Россия – страна молодая и в определенном смысле беспочвенная. С этим связано наше подчас чрезмерное стремление к почвенничеству, которое воспринимается со стороны или как проявление крайнего национализма, или как отражение живущего в нас комплекса национальной неполноценности. С другой стороны, относительная молодость нашей культуры выработала у русского человека и способность и потребность постоянно смотреть на себя не только «изнутри», но и вместе с тем еще и как бы со стороны, глазами «внешнего» мира, чувствовать и мыслить себя перед лицом этого мира и даже перед его судом. Здесь источник и пришвинской склонности ощущать в любом другом народе какое-либо превосходство над русскими, и нашего низкопоклонства и самобичевания.

Это чрезвычайно существенный момент проблемы. Дело в том, что равенство народов невозможно представить как некое тождество. Для подлинного установления равенства и братства необходимо увидеть и признать определенное превосходство другого народа над собой. И в этом смысле мы обладаем необходимым качеством для того, чтобы исполнить, как считал Достоевский, всемирное предназначение «стать братом всех людей».

* * *

Вне всякого сомнения, «русская идея» как система взглядов по серьезности своих исходных философско-исторических и нравственных посылок не уступает и даже, смею думать, превосходит многие иные концепции и, естественно, может быть развернута в целостную программу политического, экономического и социального переустройства нашего Отечества.

Чаадаев, Достоевский, В. Соловьев и другие мыслители придали «русской идее» масштабность и глубину. Они по-новому подошли к решению целого ряда фундаментальных вопросов человеческого существования и этим вывели национальную философско-этическую мысль на мировой уровень.

«Русская идея» не является заемной. Она возникла на собственной почве и обращает нас к нашим истокам. Поэтому для нее характерно бережное, уважительное отношение к духовно-нравственным началам своего народа, к его историческому опыту. По моему глубокому убеждению, именно самобытная русская культура – та питательная почва, из которой

у нас может произрасти что-то истинно великое и значительное. Сравните: Чернышевский и Тургенев, ориентировавшиеся в значительной мере на Запад, сегодня имеют прежде всего национальное значение. А «почвенники» Достоевский и Лев Толстой стоят в одном ряду с величайшими гениями человечества – Сервантесом и Шекспиром.

В связи с этим должен прямо сказать: одним из самых неприемлемых моментов в программах современных политических и общественных деятелей является то, что они абсолютно не думают о своеобразии страны, смотрят на народ как на материал, из которого можно лепить что угодно.

Так уже было в 1917 году. Но даже программа, принятая тогда, лишь на первом этапе видела свою главную задачу в максимальном удовлетворении потребностей людей – как важнейшей предпосылки для того, чтобы общество могло шагнуть из царства необходимости в царство свободы, царство, в котором уже главным для человека стало бы стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, к обретению высших духовных ценностей.

Наши демократы пошли дальше. В их программе общество потребления уже не промежуточная, а конечная цель. Вот демократическая пресса убеждает нас в том, что те, кто живет в мире полных универсамов, – счастливые люди. Но это же невероятная глупость. Пожалуй-ста, прочтите любой западноевропейский или американский серьезный роман, посмотрите любой их серьезный кинофильм, и вы поймете, что жизнь и при полных универсамах полна драматизма, а нередко и глубоко трагична. После того, как человек становится сыт, обут, одет, материальные блага теряют для него свое абсолютное значение. Их ценность становится относительной и начинает целиком зависеть от взглядов человека на счастье, добро, справедливость.

Помимо того, что потребительское общество не решает ни одной из собственно человеческих проблем, оно еще и ведет человечество к сырьевой, энергетической и экологической катастрофам. Мы восхищаемся изобилием в странах Запада, не отдавая себе отчета в том, что в странах, где все есть, живут только 15 процентов населения Земли. В США, где проживают всего пять процентов землян, потребляется около 65 процентов энергии всего мира. Совершенно ясно, что американцы живут за счет остального, «третьего» мира. Представьте, если бы каким-то чудом остальные 85 процентов стали жить, как эти 15, то Земля, в сущности, взорвалась бы.

Уже сегодня мир испытывает недостаток в самом необходимом: чистой воде, почве, кислороде – и одновременно гоняется за вещами, которые, в сущности, не нужны. Едва ли не 90 процентов навязчиво рекламируемых ныне видов товаров сто лет назад отсутствовали в человеческом обиходе. А люди ведь жили и творили и были, право же, не хуже нас, да и продукты материального мира, которые они употребляли в пищу и из которых делали одежду и предметы обихода, были, несомненно, гораздо лучшего качества, чем сегодня. Но именно на необязательные, с быстротой необыкновенной сменяющие друг друга игрушки и шмотки идет преобладающая часть человеческих усилий и природных богатств. Кстати сказать, в цивилизованных странах на рекламу тратится до 10 процентов валового национального продукта. Вдумаемся в это поистине абсурдное положение. Образуется порочный круг. Потребительская психология подхлестывает индустрию отнюдь не необходимых вещей, а та, в свою очередь, провоцирует в обществе эскалацию потребительской психологии. Сказанное позволяет мне думать, что программа западников зовет нас не в завтрашний, а во вчерашний день земной.

* * *

Материальный интерес отнюдь не является всеопределяющим. У любого народа он сочетается с духовными стимулами, и везде это сочетание свое. Поэтому разрушать веками складывающуюся в каждой национальной культуре систему мотивов, побуждающую чело-

века к эффективному труду, не только вредное, но и в значительной степени бесполезное занятие.

Заранее обречены на провал и все прямолинейные попытки перенести на нашу почву чужие, хотя бы и показавшие самую высокую эффективность хозяйственные схемы.

Макс Вебер, крупнейший западный социолог XX века, в своих работах убедительно показал, что капитализм успешно и быстро развивался не везде, а лишь там, где он мог опереться на благоприятную для него систему исповедуемых народом ценностей.

В 1989 году у нас вышла книга, написанная японскими специалистами, – «Как работают японские предприятия». Причину успеха авторы видят в том, что в основу производственных отношений на предприятиях были положены принципы буддистской этики. Конечно, были необходимы и новейшая технология, и продуманная организация производства, и многое другое, но без буддийской этики все это просто не заработало бы.

Таким образом, прежде чем пересадить в Россию экономические модели из Германии или Японии, надо перенести на русскую почву и многовековые традиции протестантизма и буддизма, что, понятно, немыслимо. Необходимо опираться на свой исторический опыт, на лучшие качества своего народа.

Уже давно иностранцы сокрушаются, что материальная культура в России находится на низком уровне. Проезжая через какую-нибудь деревню, с трудом одолевая лужи вроде миргородских, иноземный путешественник с удивлением думает: как же так получилось, что обитатели деревни не соединились и общими усилиями не вымостили улицу, по которой они ежедневно должны ездить и ходить? Но если бы у нас было во всем так. Нет же, рядом с этими лужами-озерами, лужами-болотами стояли храмы, и, надо сказать, храмы великолепные. Видно, что им были отданы все лучшие силы русской души. Парадокс. Объяснение ему надо искать в особенностях нашего национального духа. Если на протестантском Западе всякое деяние, улучшающее жизнь, ведущее к умножению капитала, было исполнено высшего смысла, то на Руси (за исключением старообрядцев) богатство никогда не рассматривалось как возвышающая человека цель существования. В православном сознании накопление денег выглядело скорее делом греховным. И, наоборот, нравственный мотив всегда играл для русского человека важную роль. Многие наши купцы, накопив миллионы, потом все куда-то отдавали: строили Третьяковскую галерею, создавали театры, жертвовали на больницы, передавали крупные суммы на революцию или просто кутили без меры и без смысла.

По словам русского философа Н. Лосского, «в высшей степени характерная черта русского общества именно презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, на том, чтобы «жить, как все», иметь хорошую обстановку, платье, квартиру». А на Западе христианство ушло в быт, в самую жизнь. И дало здесь великолепные плоды благоустройства, начиная с отхожего места, которое оформляется с такой же заботой, как и храм. В России человек считал бы кощунством одинаково заботиться и о том и о другом. Вот и получилось, что храмы у нас строились великолепные, а до отхожих мест руки никогда не доходили.

Российская интеллигенция самых разных политических и социальных пристрастий была едина, пожалуй, только в одном – безоговорочном неприятии «мещанского» идеала. Отсюда и ее хождение в народ, и крайняя революционность.

Сегодня многое изменилось в характере русского человека, но по-прежнему, мне кажется, материальный стимул не имеет у нас того веса, который он имеет, например, в США, Германии, Голландии. Возьмите нашу обломовскую психологию. Для русского человека то, что он вот сидит и над ним не каплет, это для него самое блаженное состояние, на которое очень многие готовы. Не надо большой зарплаты – лишь бы не теребили, не трогали. Но чтобы русский человек изо дня в день занимался накопительством, как немец или американец, увеличивал свое богатство и при этом чувствовал, что занят благороднейшим

делом?.. Вот почему я считаю, что экономика, устроенная по западному образцу, едва ли будет такой эффективной, как мы от нее ожидаем.

Нашим менеджерам, если они хотят иметь успех, необходимо учитывать психологию русского человека и вводить такие формы производственных отношений, которые опирались бы на сильные его стороны и сводили к минимуму дурные. В этом случае русский человек может достичь изумительных результатов.

Например, за 10 лет XIX века выстроена Транссибирская магистраль протяженностью 7500 километров. Среди абсолютного бездорожья, в абсолютно дикой местности, где ничего, кроме леса для шпал, не было. Причем в руках у строителей были самые примитивные орудия труда: лопата, топор, пила, кайло, тачка. Но хотя работали на магистрали в среднем не более 7–8 тысяч человек, ежегодно прокладывалось около 500–600 километров пути. Такие темпы не имеют аналогов в мировой строительной практике. Фантастика! На человека, вооруженного примитивными орудиями, пришлось по километру готового пути.

Как объяснить подобный результат? Дело в том, что люди, работавшие на Транссибирской магистрали, были объединены в артели. Артели – это исконно русская форма организации труда, известная нам по крайней мере с XV века. Ценнейшая форма. Во-первых, полная демократия. Артель складывалась годами и существовала годы. К каждому новому члену предъявлялись очень высокие требования. Так сейчас подбираются разве только космонавты. Во-вторых, это было своего рода братство. В таких условиях нельзя было плохо работать. В артели вопросы производственные оказывались неотделимыми от нравственных, здесь труд становился главным способом самоутверждения и самораскрытия. У нас есть замечательная пословица: на миру и смерть красна. Работа в артели была действительно на миру. Для себя трудиться люди так бы не смогли, а вот на миру да для общего дела показать свои достоинства... Разумеется, ни о каком пьянстве не могло идти речи. Кстати, работа артели всегда хорошо ценилась, артельщиков уважали, как сегодня уважают больших специалистов своего дела.

Так вот, я глубоко убежден, что артель – это та форма, при которой русский человек может совершать чудеса. Ни палкой, ни рублем, ни даже долларом от русского человека подобной работы добиться будет нельзя.

Можно, конечно, разрушить веками складывавшуюся систему, эффективно действующую в наших условиях, жестоко, безжалостно выбросить на свалку за несоответствие теории. Затем потратить три-четыре поколения, чтобы привить нам хоть как-то чужую психологию. А надо ли? Ведь наша система ценностей по той роли, которую в ней играют нравственные стимулы, не уступает чужим. Не лучше ли, опираясь на близкие и понятные русскому человеку способы работы, попытаться развить в нем и те полезные качества, которые в избытке есть у американца и немца?

* * *

Сейчас многие в высшей степени деморализованы тем, что в стране такой страшный кризис, упадок, многим кажется, что она погибает... Я человек, мягко выражаясь, далеко уже не молодой и не буду бодро говорить, что очень скоро все будет прекрасно, великолепно. Но если исходить из уроков истории, если действительно всерьез изучить тысячелетнюю историю России, станет совершенно ясно, что неоднократно Русь была как бы на краю гибели. Так было и в период монгольского нашествия, так было и в Смутное время, так было и во время реформ Петра I, когда очень значительная часть народа считала, что пришел антихрист, настал апокалипсис, конец света. Так было, разумеется, и после 1917-го года. Можно привести суждения очень серьезных, очень умных людей, которые прямо утверждали, что все гибнет, России пришел конец и никогда ее больше не будет.

Так вот, я попытался понять, почему, собственно, это происходило? Дело в том, что нет другого примера, если взять основные страны мира – хоть западные, хоть восточные, – нет примера вот таких довольно частых и как бы полных крахов. Я очень серьезно над этим думал и пришел к следующему выводу.

Разумеется, всякого рода терминология имеет относительное значение, но, думаю, те термины, которые я предложу, имеют право на существование и что-то выясняют. Я бы сказал, что Россия – страна идеократическая, то есть она основана на власти идеи. В свою очередь, страны Запада можно назвать, тоже используя древнегреческие корни, номократическими, от *nomos* – закон, то есть власть закона. А страны, допустим, Азии можно назвать этократическими, опять же от древнегреческого слова *ethos* – обычай, власть каких-то обычаев, которые действуют в течение тысячелетий. В России ведь, прямо надо сказать, с законами дело обстояло всегда не так, как на Западе. И обычаи тоже – приходится признать, что у нас нет такого твердого, неукоснительного следования людей каким-то обычаям, складывавшимся веками, как, скажем, в азиатских странах.

Вне всякого сомнения, страна, которая, условно выражаясь, держится на идее, – это рискованная страна. И вот этот риск, на мой взгляд, ясно выразился в тех беспрецедентных крахах, развалах, которые наша Родина неоднократно переживала.

В то же время я убежден, что именно в силу этой огромной власти идеи Россия подчас совершала неслыханные дела. Достаточно вспомнить факты, которые общеизвестны, но, по моему, до сих пор не вполне осмыслены.

Вот на протяжении того тысячелетия, которое существует Россия – ну, если точнее говорить, 1200 лет, – были три попытки завоевания мира, порабощения его мощными, сильными завоевателями. Это монгольское нашествие, которое должно было покорить именно весь мир, как сформулировал, не без блеска, Чингисхан: «Нам принадлежит все, куда только могут доскакать копыта монгольских коней». Это Наполеон. Это, наконец, Гитлер. И никто не может спорить с тем, что все эти три гигантские попытки завоевания мира потерпели крах не где-нибудь, а в России.

Глубоко убежден: как раз то, что можно назвать идеократической природой России, и дало ей такую необоримую силу.

Есть, правда, совершенно ложные, фальсификаторские суждения. Ну, допустим, такие, что Наполеона погубили русские пространства и русский мороз. Эта концепция была выдвинута потерпевшими крах наполеоновскими войсками в свое время и, как ни дико, существует до сих пор. Но она существует только для тех, кто не знает реального хода войны.

Я повторяю, с моей точки зрения, это, конечно, требует еще обоснования, но именно идеократическая сущность России обернулась такой великой силой. Видите, с одной стороны необыкновенные взлеты, победы, с другой – столь же необыкновенной силы крушения и падения. Поэтому, когда я говорю об идеократичности России, я вовсе не ставлю вопрос: хорошо это или плохо? Это – своеобразие России.

Я готов восхищаться упорядоченной, законной, законопослушной жизнью европейских стран – кстати, многие русские, попадая туда, восхищались, и завидовали, и любовались ими, в особенности сейчас... И опять-таки можно восхищаться особой твердостью, прочностью этих самых азиатских обычаев, которые дают им огромные преимущества. Но тут ничего не поделаешь. Есть своеобразие нашей страны.

* * *

Я стою на евразийской точке зрения. То есть я понимаю Россию как Евразию, которая представляет собой субконтинент, в какой-то степени соединяющий европейские и азиатские черты. Но это, конечно, слишком упрощенное, слишком примитивное толкование. Евразийство – это вовсе не европейское плюс азиатское, это третий феномен, который выра-

ботался на почве и того, и другого, но стал совершенно особенной реальностью, которую уже никак нельзя разделить на европейское и азиатское.

Есть люди, считающие себя истинно русскими людьми, которые крайне отрицательно относятся к евразийской идее. Дескать, к чему ведет эта идея? К какому-то абсолютному растворению. И получается, что Россия – это русские плюс тюрки, и в этой неопределенности все должно потонуть, не говоря уж о том, что некоторые люди нерусского происхождения, из нерусских республик, считают, что они должны стать центром Евразии, а это между тем совершенно неверно.

Истинно евразийский народ – только один русский. Я опять-таки подчеркиваю: это вовсе не значит, что он тем самым получает какое-то преимущество, какое-то превосходство. Одновременно есть и недостатки, действительно есть некоторая размытость, неопределенность, аморфность, порождаемая той самой евразийской сутью. В конце концов, получается, что русский народ – это как бы некая стихия, можно сказать, электромагнитное поле, попадая в которое другие народы становятся тоже евразийскими.

И в высшей степени закономерно, что в русском языке единственное название народа – «русские» – имя прилагательное, в то время как другие, от молдаван до чукчей, – все имена существительные. Француз, испанец, англичанин, швед, поляк... Ну кто еще? Китаец, египтянин, мексиканец... Да все – существительные! Кроме русского. Мне могут сказать: это просто случайность. Но нельзя забывать, что язык, основной фонд языка (я не говорю о каких-то жаргонах), – это нечто такое, что создается в деятельности, продолжающейся тысячелетия, и это деятельность, в которой участвуют миллионы людей! И это настолько отшлифовано, настолько, если хотите, закономерно – появление, окончательное оформление слова, что надо признать поистине удивительной и отнюдь не случайной вот такую выделенность русских, которых называют именем прилагательным. Как будто этим самым определено, что они могут приложиться к столь гигантской территории.

Кстати, это дает основание употреблять словосочетание, которое в общем-то невероятно, – русский татарин, русский мордвин, русский еврей, русский грузин... Ну кто такой Багратион, как не русский грузин? Можно, конечно, сказать: американский немец, американский еврей, американский француз. Но тут речь идет о другом. Американец – не значит народ, это обозначает страну. Это совсем другое дело...

Да, в самом слове «русский» есть некая двойственность. С одной стороны, казалось бы, ну что такое, народ не может назвать себя именем существительным. А в то же время, и никуда от этого не денешься, это как бы сверхнация, которая может быть «приложена» ко всему.

Россия как цивилизация и культура

С чисто географической точки зрения проблема вроде бы совершенно ясна: Россия со времени начавшегося в XVI веке присоединения к ней территорий, находящихся восточнее Уральского хребта, являет собой страну, которая частью входит в европейский континент, а частью (значительно большей) в азиатский. Правда, сразу же встает вопрос о существенном своеобразии и даже уникальности такого положения вещей в современном мире, ибо остальные страны гигантского Евразийского материка всецело принадлежат либо Европе, либо Азии (3 процента территории Турции, находящиеся на европейском континенте, единственное «исключение из правила»). И в настоящее время даже и в самой России на указанный вопрос нередко дается способный огорчить многих русских людей ответ, который можно кратко изложить следующим образом.

Государство, сложившееся примерно тысячу двести лет назад и первоначально называвшееся Русью, было европейским (точнее, восточноевропейским), но начиная с XVI века оно, как и целый ряд других государств Европы – Испания, Португалия, Великобритания, Франция, Нидерланды и т. д., предприняло ширококомасштабную экспансию в Азию, превращая громадные ее территории в свои колонии. После Второй мировой войны (1939–1945) государства Запада постепенно так или иначе «отказались» от колоний, но Россия по-прежнему владеет колоссальным пространством в Азии, и хотя после распада СССР в 1991 году более трети азиатской части страны стало территориями независимых государств, нынешней Российской Федерации (РФ) принадлежат все же 13 млн. кв. км азиатской территории, что составляет третью часть (!) всего пространства Азии и, скажем, почти в четыре раза превышает территорию современной Индии (3,28 млн. кв. км).

О том, являются ли (или являлись) вошедшие в состав России азиатские территории колониями, речь пойдет ниже. Сначала целесообразно поставить другой вопрос – об огромном пространстве России как таковом. Достаточно широко бытует представление, согласно которому чрезмерно большая территория при сравнительно небольшом населении, во-первых, свидетельствует об исключительных «имперских» аппетитах, а во-вторых, является причиной многих или даже (в конечном счете) вообще всех бед России-СССР.

В 1989 году на гигантском пространстве СССР, составлявшем 22,4 млн. кв. км, или 15 процентов всего земного шара (суши), жили 286,7 млн. человек, то есть 5,5 процента тогдашнего населения планеты. А ныне, между прочим, положение даже, так сказать, усугубилось: примерно 145 млн. нынешних жителей РФ – менее 2,3 процента населения планеты – занимают территорию в 17,07 млн. кв. км (вся площадь РФ), составляющую 11,4 процента земной поверхности, то есть почти в 5 раз больше, чем вроде бы «полагается»... Таким образом, те, кто считает Россию страной, захватившей непомерно громадную территорию, сегодня имеют, по-видимому, особенно веские основания для пропаганды этой точки зрения.

Однако даже самые устоявшиеся точки зрения далеко не всегда соответствуют реальности. Чтобы доказать это, придется опять-таки привести ряд цифр, хотя далеко не все читатели имеют привычку и желание разбираться в цифровых соотношениях. Но в данном случае без цифр не обойтись.

Итак, РФ занимает 11,4 процента земного пространства, а ее население составляет всего лишь 2,3 процента планеты. Но, например, территория Канады 9,9 млн. кв. км, то есть

6,6 процента земной поверхности планеты, а живут в этой стране всего лишь 0,4 (!) процента населения Земли (28 млн. человек). Или Австралия – 7.6 млн. кв. км (5 процентов суши) и 18 млн. человек (менее 0,3 процента населения планеты). Эти соотношения можно выразить и так: в РФ на 1 кв. км территории приходится 8,5 человека, а в Канаде только 2,8 и в Австралии всего лишь 2,3. Следовательно, на одного человека в Канаде приходится в три раза больше территории, чем в нынешней РФ, а в Австралии даже почти в четыре раза больше. И это не предел: в Монголии на 1,5 млн. кв. км живут 2,8 млн. человек, то есть на 1 кв. км приходится в пять раз меньше людей, чем в России.

Исходя из этого становится ясно, что утверждение о чрезмерном дефиците территории, которым владеет именно Россия, – тенденциозный миф, который, к сожалению, внедрен и в умы многих русских людей.

* * *

Не менее существенна и другая сторона дела. Более половины территории РФ находится немногим южнее или даже севернее 60-й параллели северной широты, то есть в географической зоне, которая в общем и целом считается непригодной для «нормальной» жизни и деятельности людей: таковы расположенные севернее 58 градуса Аляска, северные территории Канады, Гренландия и т. п. Выразительный факт: Аляска занимает ни много ни мало 16 процентов территории США, но ее население оставляет только 0,2 процента населения этой страны. Еще более впечатляет положение в Канаде: ее северные территории занимают около 40 процентов всей площади страны, а их население составляет всего лишь 0,02 (!) процента ее населения.

Совершенно иное соотношение сложилось к 1989 году в России (имеется в виду тогдашняя РСФСР): немного южнее и севернее 60 градуса жили 12 процентов ее населения (18 млн. человек), то есть почти в 60 раз больше, чем на соответствующей территории США, и почти в 600 (!) раз больше, чем на северных территориях Канады.

И вот именно в этом аспекте (а вовсе не по исключительному «обилию» территории) Россия в самом деле уникальная страна.

Один из главных истоков государственности и цивилизации Руси – город Ладога в устье Волхова (к тому же исток, как доказала современная историография, изначальный; Киев стал играть первостепенную роль позже) расположен именно на 60-й параллели северной широты. Здесь важно вспомнить, что западноевропейские «колонизаторы», внедряясь в страны Южной Азии и Центральной Америки (например, в Индию или Мексику), находили там высокоразвитые (хотя и совсем иные, нежели западноевропейская) цивилизации, но, добравшись до 60 градуса (в той же северной Канаде), заставляли там даже в XX веке поистине «первобытный» образ жизни. Никакие племена планеты, жившие в этих широтах с их климатическими условиями, не смогли создать сколько-нибудь развитую цивилизацию.

А между тем Новгород, расположенный не намного южнее 60 градуса, уже к середине XI века являл собой средоточие достаточно высокой цивилизации и культуры. Могут возражать, что в то же время находящиеся на той же северной широте южные части Норвегии и Швеции были цивилизованными. Однако благодаря мощному теплomu морскому течению, омывающему эти страны, а также общему характеру климата Скандинавии и, кстати сказать, Великобритании (океаническому, а не континентальному, присущему России) зимние температуры в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15–20 (!) градусов выше, чем в других находящихся на той же широте землях, и снежный покров если изредка и бывает, то не более месяца, между тем как на той же широте в районе Ладоги – Новгорода снег лежит 4–5,5 месяца! В отличие от основных стран Запада, в России необходимо в продолжение более половины года интенсивно отапливать жилища и производственные помещения, что подразумевает, понятно, очень весомые затраты труда.

Не менее важно и другое. В истории высокоразвитой цивилизации Запада громадную роль играл водный морской и речной транспорт, который, во-первых, во много раз «дешевле» сухопутного и, во-вторых, способен перевозить гораздо более тяжелые грузы. Тот факт, что страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или вообще не замерзают, или покрываются льдом на очень краткое время, во многом определил беспрецедентный экономический и политический динамизм этих стран. Разумеется, и в России водные пути имели огромное значение, но здесь они действовали в среднем только в течение половины года.

Словом, сложившаяся тысячелетие назад вблизи 60-й параллели северной широты и в зоне континентального климата государственность и цивилизация Руси в самом деле уникальное явление; если ставить вопрос «теоретически», его как бы вообще не должно было быть, ибо ничто подобное не имело места на других аналогичных территориях планеты. Между тем в суждениях о России уникальные условия, в которых она сложилась и развивалась, принимают во внимание крайне редко, особенно если речь заходит о тех или иных «преимуществах» стран Запада сравнительно с Россией.

А ведь дело не только в том, что Россия создавала свою цивилизацию и культуру в условиях климата 60-й параллели (к тому же континентального), то есть уже не столь далеко от Северного Полярного круга. Не менее многозначителен тот факт, что такие важнейшие города России, как Смоленск, Москва, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Уфа, Челябинск, Омск, Новосибирск, Красноярск и т. д., расположены примерно на 55-й параллели, а в Западной Европе севернее этой параллели находится, помимо скандинавских стран, одна только Шотландия, также «утепляемая» Гольфстримом. Что же касается США, вся их территория (кроме почти безлюдной Аляски) расположена южнее 50 градуса, между тем как даже южный центр Руси – Киев находится севернее этого градуса.

В нынешней же РФ территории южнее 50-й параллели составляют 589,2 тыс. кв. км, то есть всего лишь 3,4 (!) процента ее пространства (эти южные земли населяли в 1989 году 20,6 млн. человек, т. е. 13,9 процента населения РСФСР – не намного больше, чем в самых северных областях). Таким образом, Россия сложилась на пространстве, кардинально отличающемся от того пространства, на котором развивались цивилизации Западной Европы и США, притом речь идет не только о географических, но и о геополитических отличиях. Так, громадные преимущества водных путей, особенно незамерзающие моря (и океаны), которые омывают территории Великобритании, Франции, Нидерландов, Германии и т. д., а также США, – основа именно геополитического «превосходства».

Тут, впрочем, может или даже должен возникнуть вопрос о том, почему территории Азии, Африки и Америки, расположенные южнее стран Запада (включая США), в тропической зоне, явно и по многим параметрам «отставали» от западной цивилизации? Наиболее краткий ответ на такой вопрос уместно изложить следующим образом. Если в арктической (или хотя бы близкой к ней) географической зоне огромные усилия требовались для элементарного выживания людей, и их деятельность, по сути дела, исчерпывалась этими усилиями, то в тропической зоне, где, в частности, земля плодоносит круглый год и не нужны требующие больших затрат труда защищающие от зимнего холода жилища и одежда, выживание давалось как бы «даром», и не было настоятельных стимулов для развития материальной цивилизации. А страны Запада, расположенные в основном между 50-й и 40-й параллелями, представляли собой с этой точки зрения своего рода «золотую середину» между Севером и Югом.

* * *

Выше изложены «общедоступные» сведения, но они, как уже сказано, крайне редко учитываются в рассуждениях о России и, что особенно прискорбно, при сопоставлениях ее

истории (и современного бытия) с историей (и современным бытием) Западной Европы и США. Как ни странно, подавляющее большинство идеологов, рассуждающих о тех или иных «преимуществах» западной цивилизации над российской, ставят и решают вопрос только в социально-политическом плане: любое «отставание» от Запада в сфере экономики, быта, культуры и т. д. пытаются объяснить либо (когда речь идет о Древней Руси) «феодалной раздробленностью», либо (на более поздней стадии), напротив, «самодержавием», а также «крепостничеством», «имперскими амбициями», наконец, «социалистическим тоталитаризмом».

Если вдуматься, подобные толкования основаны, в сущности, на своего рода мистицизме, ибо, согласно им, Россия-де имела все основания, чтобы развиваться так же, как и страны Запада, но некие зловещие силы, прочно угнездившиеся с самого начала ее истории на верхах власти, подавляли или уродовали созидательные потенции страны...

Именно в духе такого «черного» мистицизма толкует историю России, например, небезызвестный Е. Гайдар в своем сочинении «Государство и эволюция» (1995 г. и последующие издания). В заключение он заявляет о необходимости «сместить главный вектор истории России» (с. 187) – имеется в виду вся ее история! Помимо прочего, он считает необходимым «отказаться» от всего «азиатского» в России. И в этой постановке вопроса с наибольшей очевидностью выступает заведомая несостоятельность воззрений подобных идеологов. Дело в том, что «отказ» от всего «азиатского» означает именно отрицание всей отечественной истории в целом.

Как уже было упомянуто, Россия начала присоединение к себе территорий Азии (то есть зауральских) только в конце XVI века, но совместная история восточных европейцев-славян и азиатских народов началась восемью столетиями ранее, во время самого возникновения государства Русь. Ибо многие народы Азии вели тогда кочевой образ жизни и постоянно двигались по громадной равнине, простирающейся от Алтая до Карпат, нередко вступая в пределы Руси.

Их взаимоотношения с восточными славянами были многообразны – от жестоких сражений до вполне мирного сотрудничества. Насколько сложными являлись эти взаимоотношения, очевидно из того, что те или иные враждующие между собой русские князья нередко приглашали на помощь половцев, пришедших в середине XI века из Зауралья и поселившихся в южнорусских степях. Более того, еще ранее, в IX–X вв., Русь вступила в опять-таки сложные взаимоотношения с другими азиатскими народами – хазарами, булгарами, печенегами, торками и т. д.

К сожалению, многие «антиазиатски» настроенные историки внедрили в массовое сознание представление об этих «азиатах» только как о чуть ли не смертельных врагах Руси; правда, за последние десятилетия было создано немало основательных исследований, из которых явствует, что подобное представление не соответствует исторической реальности. Даже определенная часть хазар (козар), входивших до последней трети X века в весьма агрессивный по отношению к Руси Хазарский каганат, присоединялась к русским, о чем свидетельствует богатырский эпос, один из достославных героев которого Михаил Козарин.

Ложно понимается, увы, и ситуация, воссозданная во всем известном «Слове о полку Игореве», где будто бы изображена роковая непримиримая борьба половецкого хана Кончака и русского князя Игоря, между тем как историю их конфликта венчает женитьба сына Игоря на дочери Кончака, принявшей православие (как, кстати, и сын Кончака Юрий, выдавший свою дочь за князя Ярослава, сына великого князя Руси Всеволода Большое Гнездо).

Насколько рано и прочно была связана Русь с Азией, свидетельствует древнейшее из имеющихся западноевропейских сообщений о русском государстве – сделанная в 839 году (1160 лет назад!) во франкских «анналах» запись, согласно которой правитель Руси зовется

«хаканом» – то есть азиатским (тюркским) титулом (каган, впоследствии этот титул имели великие князья Руси Владимир Святославич и Ярослав Мудрый).

* * *

Итак, за восемь столетий до того момента, когда Россия пришла за Урал, в Азию, сама Азия пришла на Русь и затем не раз приходила сюда в лице многих своих народов, вплоть до монголов в XIII веке.

В связи с этим нельзя не сказать, что, как ни прискорбно, до сего дня широко распространены тенденциозные крайне негативные представления о существовавшей в XIII–XV вв. Монгольской империи, хотя еще в конце прошлого столетия один из крупнейших востоковедов России и мира В. В. Бартольд (1869–1930) опроверг усвоенный с Запада миф об этой империи как чисто «варварской» и способной лишь к разрушительным акциям.

«Русские ученые, – констатировал Бартольд, – следуют большею частью по стопам европейских», но, вопреки утверждениям последних, «монголы принесли с собой очень сильную государственную организацию... и она оказала сильное воздействие во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи». В. В. Бартольд сетовал, что многие российские историки говорили о монголах «безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров... Золотая Орда... была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному монголами в Персии...», которая в «монгольский» период «занимала первое место по культурной важности и стояла во главе всех стран в культурном отношении» (см. об этом подробно в моей упомянутой выше книге «История Руси...»). Категорически негативная оценка Монгольской империи (как, впрочем, и всего «азиатского» вообще) была внедрена в Россию именно с Запада, и о причинах этого еще пойдет речь. Стоит привести здесь суждение о монголах одного из наиболее выдающихся деятелей Азии XX века Джавахарлала Неру:

«Многие думают, что, поскольку они были кочевниками, они должны были быть варварами. Но это ошибочное представление... у них был развитый общественный уклад жизни, и они обладали сложной организацией... Спокойствие и порядок установились на всем огромном протяжении Монгольской империи... Европа и Азия вступили в более тесный контакт друг с другом».

Последнее соображение Дж. Неру совершенно верно и весьма важно. Вспомним хотя бы, что европейцы впервые совершили путешествия в глубины Азии только после возникновения Монгольской империи, объединившей территории Азии и Восточной Европы и тем самым создавшей прочное евразийское геополитическое единство. Правда, этого рода утверждения вызывают у многих русских людей неприятие, ибо при создании Монгольской империи Русь была завоевана и подверглась жестоким атакам и насилиям. Однако движение истории в целом немыслимо без завоеваний. То геополитическое единство, которое называется Западом, складывалось начиная с рубежа VIII–IX веков в ходе не менее жестоких войн Карла Великого и его преемников. Созданная в результате этих войн Священная Римская империя впоследствии разделилась на целый ряд самостоятельных государств, но без этой империи едва ли могла сложиться цивилизация Запада в целом, ее геополитическое единство. И чрезвычайно показательны, что впоследствии западные страны не единожды снова объединялись в империях Карла V и Филиппа II (XVI век) или Наполеона (начало XIX века).

Евразийская Монгольская империя в XV веке разделилась (точно так же, как и западноевропейская) на ряд самостоятельных государств, но позднее, с XVI века, российские цари и императоры в той или иной мере восстанавливали евразийское единство. Точно так же, как и на Западе, это восстановление не обошлось без войн. Но в высшей степени многозначительно, что властители присоединяемых к России бывших составных частей Монгольской

империи занимали высокое положение в русском государстве. Так, после присоединения в середине XVI века Казанского ханства его тогдашний правитель, потомок Чингисхана Едигер, получил титул «царя Казанского» и занимал второе место после «царя всея Руси» Ивана IV в официальной государственной иерархии. А после присоединения в конце XVI – начале XVII веков монгольского Сибирского ханства чингизиды – сыновья всем известного хана Кучума – вошли с титулами «царевичей Сибирских» в состав российской власти (см. об этом в моей книге «История Руси...»).

Подобные исторические факты, к сожалению, малоизвестны, а без их знания и осмысления нельзя понять действительный характер России как евразийской державы, в частности, решить вопрос о том, является ли азиатская часть России ее колонией.

Побывав в начале XX века в азиатской части России, британский государственный деятель Джордж Керзон, который в 1899–1905 годах правил Индией (с титулом «вице-короля»), писал: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами», к чему «англичане никогда не были способны».

По-своему замечательно это рассуждение профессионального «колонизатора». Он явно не в состоянии осознать, что народы Азии не были и не могли быть для русских ни «чуждыми», ни «низшими», ибо, как уже говорилось, с самого начала существования государства Русь складывались, несмотря на те или иные военные конфликты, тесные и равноправные взаимоотношения с этими народами, в частности, имели место многочисленные супружества в среде русской и азиатской знати. Между тем люди Запада, вторгаясь в XVI–XX веках в Азию, Америку, Африку и Австралию, воспринимали «туземцев» именно как людей (вернее, «недочеловеков») «чуждых и низших рас». И целью осуществляемого странами Запада с конца XV века покорения американского, африканского, австралийского и большей части азиатского континентов было не имевшее каких-либо нравственных ограничений выкачивание материальных богатств из этих континентов.

Конечно, проблема колониализма имеет еще и политические, и идеологические аспекты, но тот факт, что «азиатские» крестьяне, рабочие, служащие, деятели культуры и т. д. имели (и имеют) в нашей стране не менее или даже более высокий уровень жизни, чем русские люди тех же социальных категорий, говорит о заведомой несостоятельности представления об азиатских территориях России как о колониях, подобных колониям Запада, где такое положение дел немыслимо.

* * *

Следует также отметить, что отношение русских к азиатским народам России предстает в кардинально более благоприятном виде, нежели отношение англичан, немцев, французов, испанцев к оказавшимся менее «сильными» народам самой Европы.

Великобритания – это страна бриттов, но сей народ был стерт с лица земли англичанами (англами); та же судьба постигла государство пруссов, занимавших весьма значительную часть будущей Германии (Пруссию), и много других западноевропейских народов.

В России же были ассимилированы только некоторые финские племена, населявшие ее центральную часть (вокруг Москвы), но они не имели ни государственности, ни сколько-нибудь развитой цивилизации (в отличие от упомянутых пруссов). Правда, исчезли еще печенеги, торки, половцы и ряд других тюркских народов, но не из-за какого-либо воздействия русских, они как бы растворились в полукочевой Золотой Орде. Около ста азиатских народов и племен, сохранившихся в течение веков на территории России (и, позднее, СССР), – неоспоримое доказательство национальной и религиозной терпимости, присущей евразийской державе.

В связи с этим немаловажно напомнить, что азиатские воины на протяжении веков участвовали в отражении атак на Русь-Россию с Запада. Как известно, первое мощное нападение Запада имело место еще в 1018 году, когда объединенное польско-венгерско-немецкое (саксонское) войско сумело захватить Киев. Польский князь (позднее король) Болеслав Великий совершил свой поход будто бы только с целью посадить на киевский престол своего зятя (супруга дочери) Святополка (Окаянного), которого лишил власти Ярослав Мудрый. Однако, войдя в Киев, захватчики разграбили его казну и увели тысячи киевлян в рабство, и, согласно сообщению «Повести временных лет», даже и сам Святополк вступил в борьбу со своими коварными «друзьями».

Польский хронист французского происхождения, известный как Галл, повествуя о событиях 1018 года, счел необходимым сообщить, что в войне с армией Болеслава на стороне Руси приняли участие и азиаты-печенеги. Это вроде бы противоречит нашей летописи, ибо в ней говорится о союзе печенегов со Святополком. Но вполне возможно, что в междоусобной борьбе Святополка и Ярослава печенеги оказались на стороне первого; когда же началась война с врагами, пришедшими с Запада, печенеги бились именно с ними, о чем и поведал Галл, а русский летописец умолчал об этой роли печенегов, быть может, из нежелания хоть как-либо умалить заслугу Ярослава Мудрого.

Аналогично обстоит дело с информацией о победе в 1242 году Александра Невского над вторгшимся на Русь тевтонским войском. Германский хронист Гейденштейн сообщил, что «Александр Ярославич... получивши в подмогу татарские вспомогательные войска... победил в сражении», но наша летопись об этом не сообщает.

Достоверность сведений Галла и Гейденштейна находит подтверждение в том, что во время тяжелой Ливонской войны 1558–1583 годов, когда Россия отстаивала свои исконные северо-западные границы в борьбе с немцами, поляками и шведами, в нашей армии, как это известно с полной достоверностью, весомую роль играли азиатские воины, и одно время даже командовал всей русской армией хан Касимовский, чингизид Шах-Али (по-русски Шигалей).

Нельзя не сказать еще об особенной составной части населения России – казачестве, которое, как убедительно доказано в ряде новейших исследований, имело «смешанное» русско-азиатское происхождение (показательно, что само слово «казак» тюркское). В течение долгого времени казачество находилось в достаточно сложных отношениях с российской властью, но в конечном счете стало мощным компонентом российской армии; Наполеон в 1816 году заявил: «...вся Европа через десять лет может стать казацкою...»

Правда, сие «предсказание» было необоснованным, ибо Россия никогда не имела намерения завоевать Европу, но слова Наполеона красноречиво говорят о возможностях того русско-азиатского казацкого воинства, с которым он столкнулся в России.

* * *

Редко обращают внимание на тот факт, что Запад, начиная с конца XV века за сравнительно недолгое время и даже без особо напряженных усилий так или иначе подчинивший все континенты (Америку, Африку, большую часть Азии и Австралию), вместе с тем, несмотря на многочисленные мощные вторжения в нашу страну (первое, как сказано, состоялось в 1018 году, без малого тысячу лет назад), не смог ее покорить, хотя ее не отделяют от Запада ни океан (или хотя бы море), ни горные хребты.

В этом уместно усматривать первопричину присущей Западу русофобии в буквальном значении сего слова (то есть страха перед Россией). Русофобией проникнута, в частности, известная книга француза де Кюстина «Россия в 1839 году». Поскольку широкое распространение получили лишь ее значительно и тенденциозно сокращенные переводы на русский язык, она считается «антирусской», всячески, мол, дискредитирующей Россию. В дей-

ствительности этот весьма наблюдательный француз был (при всех возможных оговорках) потрясен мощью и величием России; в частности, на него произвел огромное впечатление тот факт, о котором шла речь выше, – создание столь могучей державы на столь северной территории Земли: «...эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... война со стихиями есть суровое испытание, которому господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными».

Проницательно сказал Кюстин и о другой стороне дела: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть этот результат ужасающего (то есть порождающего русофобию. – В. К.) соединения европейского ума и науки с духом Азии» («русско-азиатское» казачество, как уже говорилось, «ужасало» и самого Наполеона).

Следует признать, что французский путешественник яснее и глубже понял место России в мире, чем очень многие русские идеологи и его времени, и наших дней, считающие все «азиатское» в отечественном бытии чем-то «негативным», от которого надо освободиться, и лишь тогда, мол, Россия станет в полном смысле слова цивилизованной и культурной страной. Подобного рода взгляды основаны на глубоко ложном представлении о мире в целом, что превосходно показал в своей книге «Европа и человечество» (1920) замечательный мыслитель и ученый Николай Трубецкой (1890–1938).

Он писал, что «европейски образованным» людям «шовинизм и космополитизм представляются... противоположностями, принципиально, в корне отличными точками зрения». И решительно возразил: «Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального различия между ними нет, что это... два различных аспекта одного и того же явления».

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур...

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру... Однако посмотрим, какое содержание вкладывают космополиты в термины «цивилизация» и «цивилизованное человечество»? Под «цивилизацией» они разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы...

Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист... Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит... разница только в степени, а не в принципе... теоретические основания так называемого... «космополитизма»... правильнее было бы назвать откровенно общеромано-германским шовинизмом».

Нет сомнения, что «романо-германская» цивилизация Запада, создававшаяся в своего рода оптимальных географических и геополитических условиях (о чем шла речь выше), обладает многими и очевидными преимуществами в сравнении с другими цивилизациями, в том числе и с российской. Но столь же несомненны те или иные преимущества этих других цивилизаций, что, кстати сказать, признавали многие идеологи самого Запада. Правда, подчас такие признания имеют весьма своеобразный характер... Выше цитировались суждения Дж. Керзона, который правил Индией и посетовал, что, в отличие от русских, «англичане никогда не были способны» добиться «верности и даже дружбы» со стороны людей «чуждых и низших рас». То есть британец усмотрел «превосходство» русских в прагматизме их поведения в Азии, хотя вообще-то именно Запад явно превосходит своим прагматизмом другие цивилизации, и в устах западного идеолога эта «похвала» является весьма высокой.

Дело в том, однако, что, как уже сказано, для русских отнюдь не характерно то восприятие людей Азии («чуждые и низшие расы»), о котором без обиняков высказался британский государственный деятель.

И вернемся теперь к размышлениям Николая Трубецкого. То, что он называет «космополитизмом», в наше время определяют чаще всего как приверженность «общечеловеческим ценностям», но в действительности-то при этом речь идет именно и только о западных ценностях, которые обладают-де абсолютным превосходством над ценностями иных цивилизаций.

* * *

В связи со сказанным выше, обратимся к недавним событиям, известным как «распад СССР». Почти невероятно быстрое и, в сущности, не вызвавшее никакого фактического сопротивления крушение великой державы чаще всего стремятся объяснить нежизнеспособностью ее экономического и политического устройства, хотя одни авторы утверждают, что нежизнеспособен социализм как таковой, ибо он представляет собой насильственно реализованную утопию, а другие видят в том строе, который установился после 1917 года, извращенную форму социализма, подменившую «творчество самих народных масс» партийно-государственным диктатом.

Однако такого рода толкования порождают серьезные сомнения, как только мы вспоминаем, что за три четверти века до краха СССР совершился поистине мгновенный и не пробудивший сопротивления крах Российской империи. Василий Розанов с характерной для него «лихостью», но верно писал о Февральском перевороте 1917 года: «Русь слиняла в два дня. Самое большое в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом ничего».

А один из активнейших участников этого переворота, В. Б. Станкевич, не без известного изумления вспоминал в 1920 году, что Февраль – это даже «не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Из этих характеристик, между прочим, явствует, что происшедшее в 1991 году было все же гораздо менее катастрофическим, нежели в 1917 году...

Стоит еще привести суждения французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога (между прочим, потомка последнего императора Византии). На Западе, писал он, «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется, она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание».

Сегодня, впрочем, имеются идеологи (например, тот же Гайдар), с точки зрения которых дореволюционная «самодержавная» Россия также являлась нежизнеспособным феноменом и, следовательно, ее мгновенный крах был столь же естественным. Но поскольку едва ли уместно считать экономические и политические устройства, существовавшие до 1917-го и после него, однотипными, истинная причина двух аналогичных крушений кроется не в этих устройствах, а, надо думать, в чем-то другом.

Убедить в первостепенном значении этого «другого» нелегко, ибо в общественное сознание с давних пор внедрялось именно экономико-политическое объяснение хода истории, которое еще в конце XVIII века начало складываться в России под воздействием западноевропейской идеологии (отнюдь не только марксистской; сам Карл Маркс не раз признавал, что, например, понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории сложилось задолго до появления его сочинений).

На вопрос о том, почему в феврале 1917 года произошло крушение Российской империи, многие и сегодня ответят, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, разрушили эту империю, ибо она жестоко «эксплуатировала» и «угнетала» их.

Но как это совместить с тем несомненным фактом, что в крушении империи более значительную роль, чем какие-нибудь пролетарии и крестьяне, сыграли, например, начальник штаба Верховного главнокомандующего, генерал от инфантерии М. В. Алексеев, или командир Гвардейского морского экипажа великий князь (двоюродный брат императора) Кирилл Владимирович, или член Государственного Совета, крупнейший предприниматель (владевший громадным по тем временам капиталом в 600 тысяч руб.) А. И. Гучков?

Аналогичное положение имело место и через три четверти века: роль в крушении СССР члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, или кандидата в члены Политбюро Б. Н. Ельцина, или академика, трижды Героя Соцтруда А. Д. Сахарова, конечно же, несравнима с ролью каких-либо рабочих и колхозников...

И другая сторона дела: «эксплуатация» и «гнет», скажем, за шестьдесят лет до 1917 года, то есть при крепостном праве, и за те же шестьдесят лет до 1991-го, в период индустриализации и коллективизации, были, без сомнения, гораздо тяжелее, чем в канун обоих крушений, но власть в стране держалась тогда достаточно прочно.

Наконец, и это опять-таки многозначительно, оба вроде бы столь грандиозных крушения привели к очень малому количеству человеческих жертв; никакие действительные «сражения» между сторонниками Российской империи (и впоследствии СССР) и их противниками не имели места. Мне напомнят, конечно же, что после краха Российской империи началась убийственная Гражданская война, а после крушения СССР – цепь различных кровавых конфликтов. Однако это уже явно совершенно другая проблема.

Множество неоспоримых фактов убеждает, что Гражданская война 1918–1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей империи и ее противниками, а между теми, кто пришел к власти в результате Февральского переворота, и свергнувшими их в Октябре большевиками. Показательно, что белых называли также кадетами (по названию партии, игравшей первостепенную роль в Феврале). Наконец, самое весомое место в Гражданской войне занимали мощные восстания или хотя бы бунты крестьянства, которое, вовсе не желая возврата к империи, не желало подчиняться и «новым» красной и, равным образом, белой властям. И следует осознать, что в советской историографии белым безосновательно приписывали цель восстановления «самодержавия» ради их компрометации.

Вполне аналогично после 1991 года приписывают «реваншистское» стремление восстановить тоталитарный СССР всем оппозиционным по отношению к новой власти силам; именно так трактуется, например, принесший жертвы конфликт в октябре 1993 года у так называемого «Белого дома». При этом игнорируется тот бесспорный факт, что большинство людей, возглавивших тогда «защиту» «Белого дома», начиная с А. В. Руцкого и Р. И. Хасбулатова, всего двумя годами ранее, в августе 1991-го, «защищали» тот же «дом» от пытавшегося сохранить СССР так называемого ГКЧП!

Такой оборот дела по меньшей мере странен, и едва ли можно понять суть происшедшего в 1991-м и последующих годах, основываясь на анализе событий самого этого времени; то, что совершилось тогда, как представляется, имело очень глубокие корни в отечественной истории.

* * *

Как уже отмечено, наиболее широко распространенные толкования истории России с давних пор и во многом опираются на ту методологию, которая была выработана на «материале» истории Запада (в том числе марксистскую), хотя русские люди наивысшего духовного уровня не раз утверждали, что подобный подход к делу заведомо несостоятелен.

Я имею в виду вовсе не каких-либо «славянофилов» или «почвенников». Так, не могущий быть причисленным к ним Пушкин настоятельно призывал: «Поймите же... что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, что история ее требует другой мысли, другой формулы». Крупнейший мыслитель пушкинской поры Чаадаев (который, кстати, слывет «западником») безоговорочно утверждал, что «мы не Запад», что «Россия не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов... и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое».

Впрочем, обратимся к конкретным проявлениям «своеобразия» России. Все знают «формулу», которую в конце жизни дал Пушкин (и даже чувствуют ее глубокий смысл, хотя редко вдумываются в него): «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Поставив эпитеты после слова «бунт», Пушкин тем самым усилил и заострил их значение. «Бессмысленный», то есть, по сути дела, бесцельный, не ставящий перед собой практических задач, а «беспощадный» – значит уничтожающий все попавшее под руку, в частности, то, что, без сомнения, могло бы быть использовано бунтовщиками в своих интересах (так, бунтующие крестьяне сжигали массу благоустроенных поместий).

Речь идет именно о русском бунте, ибо, например, даже, казалось бы, совсем «дикий» бунт английских луддитов конца XVIII – начала XIX веков, уничтожавших изобретенные тогда машины, имел вполне определенные прагматические цели – возвращение на предприятия безработных, вытесненных механизацией, и восстановление той более высокой заработной платы, которую давал ручной труд.

Правда, во множестве сочинений и «русские бунты» толкуются как целенаправленная «борьба трудящихся масс за улучшение своего социально-экономического положения», вызванная особо возросшими перед каким-либо из этих бунтов «эксплуатацией» и «гнетом». Но едва ли есть серьезные основания полагать, что самые мощные из этих бунтов – «болотниковщина» (1606–1607), «разинщина» (1670–1671), «булавинщина» (1707–1709), «пугачевщина» (1773–1775) – разражались в силу резкого увеличения этих самых «эксплуатации» и «гнета», которые будто бы были намного слабее в периоды между бунтами.

Один из наиболее проницательных отечественных историков В. О. Ключевский утверждал, что истинной причиной болотниковского бунта (как и других бунтов Смутного времени) «было насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев». То есть суть дела заключалась в недоверии широких слоев населения к наличной власти.

О разинщине и других бунтах времени царя Алексея Михайловича Ключевский писал: «В этих мятежах резко вскрылось отношение простого народа к власти... ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости, и не только к правительству, но к самому носителю верховной власти», что было вызвано церковной реформой 1653–1667 годов, которая, по убеждению значительной части народа, отвергла истинное православие.

Далее, «стрелецкие, астраханский, булавинский» бунты Ключевский неразрывно связывает с народным представлением о Петре Великом как «антихристе».

Что же касается пугачевщины, Василий Осипович дважды и весьма развернуто осмыслил ее причины. Основное можно вкратце изложить следующим образом. До Петра I включительно крестьянство «служило» дворянству, а последнее царю, то есть государству. Но ко времени Екатерины II дворянство, в сущности, перестало быть «служилым» сословием, и, как писал Ключевский, «крепостное право... потеряло прежний смысл, свое главное политическое оправдание»; новое положение вещей воспринималось населением как «незаконное»

и подлежащее исправлению путем также «незаконных восстаний», хотя, конечно, немаловажное значение имело объявление Пугачева сумевшим спастись от гибели царем Петром III, который и призван покончить с «незаконностью».

Вполне естественно, что в «марксистских» комментариях к цитируемому изданию 1950-х годов Ключевский был подвергнут весьма жесткой критике за непонимание «социально-экономических» причин «болотниковщины», «разинщины», «булавинщины» и «пугачевщины». Но Ключевский обосновал свои выводы многочисленными и многообразными фактами, и, как уже отмечено, вряд ли можно доказать, что именно в канун всех этих бунтов «эксплуатация» и «гнет» приобретали крайний характер.

* * *

Величайший наш поэт-мыслитель Тютчев дал полную глубокого значения «формулу»: «В Россию можно только верить».

Обычно эту «формулу» воспринимают в чисто духовном аспекте: в отличие от других стран (Тютчев, без сомнения, имел в виду страны Запада), совершающееся в России нельзя объяснить рационально («умом») и остается только верить (или не верить) в нее. Но, как мы видели, Ключевский по сути дела толковал мощные бунты как плоды именно утраты веры в наличную Россию.

И, конечно, особенно важен и впечатляющ тот факт, что в нашем столетии, в 1917 и в 1991 годах, страна претерпела крах не из-за каких-либо мощных бунтов (кровавые конфликты имели место позднее, уже при «новых» властях), а как бы «беспричинно».

Это уместно истолковать следующим образом. Если при всей мощи бунтов XVII–XVIII веков веру в наличную Россию утрачивала тогда определенная часть ее народа, то в XX веке это произошло с преобладающим большинством населения страны, притом во всех его слоях. Ничего подобного нельзя обнаружить в истории Запада, как не было там и мощных «бессмысленных» бунтов. Тем не менее многие идеологи, закрывающие глаза на эти поистине уникальные «феномены» истории России, пытаются толковать ее согласно европейским «формулам».

Восстания и революции на Западе, о чем уже говорилось, преследовали, как правило, конкретные практические цели. Вот чрезвычайно показательное сопоставление: в 1917 году российского императора побудили отречься от престола уже на третий день после начала переворота, между тем во Франции после мощного восстания 14 июля 1789 года, поскольку определенные прагматические требования восставших были выполнены, король оставался на престоле более трех лет – до 10 августа 1792 года.

Напомню цитированные выше суждения французского посла Палеолога о том, что на Западе даже «самые полные изменения» совершаются «постепенно», а в России рушится разом все.

Как уже было отмечено, иные нынешние идеологи объявляют Россию вообще «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, что, мол, и выразилось в мгновенных крушениях 1917 и 1991 годов. Однако нет оснований относиться к подобным воззрениям как к чему-то серьезному. Страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX веков, то есть существует 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, то есть в первой половине XI столетия, занимала территорию, почти равную всей остальной территории Европы, страна, которая породила преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева, воплотивших в себе то, что с полным основанием зовется «Святой Русью», страна, за кратчайший срок с 1580 по 1640 год присоединившая к себе и освоившая гигантское пространство от Урала до Тихого океана, страна, победившая захватившие ранее почти всю остальную Европу армии Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур, может предстать «нежизнеспособной» с точки зрения чисто «западнических» идеологов, но не реально.

Россия не являет собой некое отклонение от западной «нормы»; ее история, по слову Пушкина, «требует другой формулы»; в России, по определению Чаадаева, «другое начало цивилизации».

Иначе, собственно, и не могло быть в силу поистине уникального характера фундаментальных основ бытия России. Во-первых, в тех географических и геополитических условиях, в которых сложились наши государственность и культура, не возникла ни одна другая цивилизация мира, во-вторых, только Россия с самого начала своей истории являет собой евразийскую страну. Между прочим, уже Чаадаев осознал, что «оригинальная Русская цивилизация» – плод слияния «стихий азиатской и европейской» и что монгольское нашествие из Азии «как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогало ей развиваться и созреть».

Не в первый раз я опираюсь на суждения Чаадаева, а также его младшего современника Пушкина, и не исключено, что у кого-либо возникнет определенное недоумение: почему первостепенное значение придается суждениям людей, явившихся на свет более двух столетий назад? Не вернее было бы обратиться к позднейшим выразителям отечественного самосознания? Однако мировосприятие Чаадаева и Пушкина, сложившееся, в частности, до раскола русских идеологов на славянофилов и западников, имеет во многом утраченный впоследствии целостный, не деформированный противостоящими пристрастиями характер. Ни Пушкин, ни Чаадаев не впадали в тот по сути дела примитивный... «оценочный» спор, который начался в «роковые сороковые годы» (по выражению Александра Блока), длится до сего дня и сводится, в конечном счете, к решению вопроса: что «лучше», Европа или Россия? Чаадаев и Пушкин, как ясно из всего их наследия, полагали, что Россия не «лучше» и не «хуже», она другая.

* * *

Конечно, если мерить Россию с точки зрения европейских «норм», она неизбежно предстанет как нечто «ненормальное». Так, например, в Англии еще с XIII (!) века существовал избираемый населением парламент, по воле которого принимались законы, а на Руси слишком многое зависело от воли или, как обычно говорится, произвола великих князей и позднее царей, в особенности, конечно, Ивана IV, получившего прозвание «Грозный».

В тщательных исследованиях Р. Г. Скрынникова «Царство террора» и Д. Н. Алынина «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» доказано, что при этом царе было казнено от 3 до 4 тысяч человек, преобладающее большинство которых – новгородцы, обвиненные в измене, так как обнаружилась «грамота», согласно которой Новгородская земля намеревалась отдаться под власть короля Польши Сигизмунда II. Р. Г. Скрынников полагает, что это была фальшивка, изготовленная «за рубежом то ли королевскими чиновниками, то ли русскими эмигрантами» (с. 367), но Иван IV поверил ей, и по его повелению началась расправа над новгородцами.

И вот многозначительное сопоставление. Как раз накануне царствования Ивана Грозного в Англии правил король Генрих VIII, получивший прозвание «Кровавый» (хотя английские историки почти не употребляют это прозвание). При нем, в частности, 72 тысячи человек были казнены за бродяжничество, которое тогда приобрело массовый характер, ибо многие владельцы земель сгоняли с них арендаторов-хлебопашцев, чтобы превратить свои земли в приносящие намного более значительную выгоду овечьи пастбища. Эти казни не были проявлением королевского произвола: закон, по которому пойманного в третий раз бродягу немедля вешали, принял избранный населением парламент, и, как говорится, суров закон, но закон...

Можно, конечно, согласиться с тем, что произвол чреват более тяжкими последствиями, чем закон, ибо с легкостью может обрушиться на ни в чем не повинных людей. Но ведь

и людей, ставших бродягами из-за «перестройки» в сельском хозяйстве Англии, уместно считать ни в чем не повинными... А между тем по одному только закону о бродяжничестве за 28 лет правления Генриха VIII было казнено примерно в двадцать (!) раз больше людей, чем за 37 лет правления Ивана IV (притом количество населения Англии и Руси было в XVI веке приблизительно одинаковым).

Поэтому есть достаточные основания признать, что власть закона нельзя рассматривать как своего рода безусловную, непререкаемую ценность, хотя многие люди убеждены в обратном и видят абсолютное превосходство Запада в давно утвердившейся там власти закона.

При этом утверждается, что именно «дефицит» законности, присущий с давних времен России, привел к громадным жертвам в годы революции. Но это несостоятельное мнение, ибо любая «настоящая» революция означает откровенный отказ и от законов, и от моральных норм. И из объективных исследований Английской революции XVII века и Французской XVIII – начала XIX веков явствует, что их жертвы составляли не меньшую долю населения, чем жертвы Российской. Столь же несостоятельно очень широко пропагандируемое (этим еще с 1960-х годов занимались так называемые правозащитники) мнение, согласно которому утверждение власти закона в нашей стране само по себе сделало бы ее подобной Западу. В действительности все обстоит гораздо сложнее.

Самое, пожалуй, главное отличие России от Запада заключается в том, что в ней отсутствует или, по крайней мере, очень слабо развито общество как самостоятельный и в определенной степени самодовлеющий феномен бытия страны. На Западе, помимо государства и народа, есть общество, которое, несмотря на то, что в него входят различные или даже противостоящие силы, в нужный момент способно выступить на исторической арене как мощная и более или менее единая сила, способная заставить считаться с собой и правительство, и население страны в целом.

Это утверждение, как нетрудно предположить, вызовет возражения или даже недоумение, ибо не только у нас, но и на Западе считается, что именно для России характерны «общинность», «коллективизм», постоянно и ярко выражающиеся в непосредственных взаимоотношениях людей, между тем как люди Запада гораздо более сосредоточены на своих собственных, частных, личных интересах, им в гораздо большей степени присущ всякого рода «индивидуализм».

Но суть дела в том, что общество, существующее в странах Запада, не только не противостоит частным, личным, в конечном счете, «эгоистическим» интересам своих сочленов, но всецело исходит из них. Оно предстает как мощная сплоченная сила именно тогда, когда действия правительства или какой-либо части населения страны угрожают именно личным интересам большинства.

Так, например, в ходе начавшейся в 1964 году и продолжавшейся около десяти лет войны США в Индокитае американское общество пришло к выводу, что эта война не соответствует интересам его сочленов и в сущности бесперспективна, организовало массовые протесты и заставило власть прекратить ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.